
001

Войдя в комнату, Бай Чжоуи первым делом взглянул на старика. Мастер Гэ лежал с умиротворенным выражением лица, на его губах застыла едва заметная улыбка, но мертвенная бледность кожи не оставляла сомнений — он ушел.

Страшная догадка подтвердилась. Бай почувствовал, как напряжение, сковывавшее тело последние дни, медленно отпускает, уступая место горькому изумлению. Он давно заметил странную бодрость деда и в глубине души готовил себя к подобному исходу, но ожидал, что это будет долгий процесс. Он думал, что старик начнет медленно угасать — неделю, может, меньше, — и у них будет время попрощаться...

Он не думал, что всё случится так внезапно.

— Я не могу его разбудить... — прошептал Мо Юйсянь. Он выглядел совершенно потерянным, не в силах выпустить похолодевшую руку деда из своей ладони.

Сердце Бая словно сжала невидимая рука, мешая дышать.

— Бай Чжоуи... — Юйсянь поднял на него взгляд, полный мольбы. В его глазах Бай был всемогущим, он знал всё на свете — а значит, точно мог что-то исправить.

Бай сделал шаг вперед и крепко обнял мужа, прижимая его голову к своему плечу:

— Всё хорошо, я рядом. Всё будет хорошо...

Юйсянь долго сидел неподвижно, а Бай так и стоял, обнимая его, пока пальцы мужа наконец не разжались, выпуская руку покойного. Только тогда Бай осторожно вывел его во двор и усадил на скамью. Убедившись, что Юйсянь в безопасности, он вернулся в комнату.

Беглый осмотр подтвердил: старик скончался еще ночью. Он ушел тихо и, судя по всему, без мучений. Бая кольнуло чувство вины — следовало зайти к нему вчера вечером, позвать к ужину... Возможно, тогда они успели бы сказать друг другу последние слова.

Укрыв мастера Гэ одеялом, Бай набрал номер Е Сяоцина. По-хорошему, такими делами должны заниматься близкие родственники, но от семьи Мо остался один Юйсянь, а братья Бая из семьи Бай вряд ли смогли бы вернуться в ближайшие часы. Оставались только они двое.

Бай Чжоуи взглянул в окно на Юйсяня, который замер на улице, отрешенно глядя в пустоту. Один он не справится — навалится слишком много хлопот.

Несмотря на ранний час, ребята из Гильдии были уже на ногах. Услышав печальную весть, они тут же сорвались с места. Стоило им войти, как Е Сяоцин, бросив взгляд на пребывающего в прострации Юйсяня, шепотом спросил:

— Как же так? Ведь вчера всё было в порядке.

Вчера Бай специально водил мужа к Хуану Цихэну, чтобы заявить о его возвращении, и тогда мастер Гэ казался бодрее всех живых.

Бай Чжоуи лишь печально качнул головой:

— Старик и так был слаб...

Об этом знали все.

— Что нам делать? Чем помочь? — спросил Хань Шэн.

Бай немного подумал и посмотрел на мужа:

— Присмотрите за ним. А я съезжу, куплю всё необходимое.

В мире, где смерть стала обыденностью, похороны обычно проходили просто, но даже самый скромный обряд требовал подготовки. Е Сяоцин, догадавшись о намерениях друга, переглянулся с Хань Шэном:

— Ребята останутся здесь, а мы с Ханем поедem с тобой.

Бай не стал отказываться. Ему не раз доводилось бывать на похоронах — в четырех отрядах семьи Бай потери случались регулярно, — но организовывать всё самому приходилось впервые. Лишние руки были как нельзя кстати.

Бай снял с крючка ключи от машины. На мгновение он замешкался, а затем прошел во внутренний двор к Юйсяню и присел перед ним на корточки. Муж посмотрел на него затуманенным взглядом.

— Мне нужно отъехать, купить вещи, — мягко сказал Бай.

— Вещи?

— Е Сяоцин и Хань Шэн поедут со мной, а Ян Сюйи и остальные останутся здесь. Сможешь принять их? — Бай кивнул в сторону гостиной, где переминались с ноги на ногу его друзья.

Юйсянь перевел взгляд на ребят и послушно кивнул:

— Хорошо.

Уходя, Бай еще раз тревожно оглянулся на мужа, после чего быстро раздал указания оставшимся — состояние Малыша сейчас было нестабильным, нужно было держать ухо востро.

Добравшись до Гильдии, он сменил внедорожник на небольшой грузовик и вместе с друзьями направился в Западный город — торговый центр их поселения. Из-за высокой смертности похоронный бизнес здесь процветал: под ритуальные услуги были отведены целые кварталы. Выбрав лавку покрупнее, Бай купил гроб, свечи, благовония и ритуальную бумагу. Затем заглянул в хозяйственный за лопатами и кирками.

Напоследок он зашел в магазин одежды и подобрал несколько комплектов новых вещей, обувь и белье по размеру деда. При жизни мастер Гэ ходил в обносках. Бай не раз предлагал купить ему что-то новое, но старик всегда отказывался, не желая обременять внука лишними тратами. Теперь, провожая его в последний путь, Бай хотел, чтобы мастер Гэ выглядел достойно — это было важно не столько для усопшего, сколько для утешения живых.

Они вернулись к десяти часам утра. Ян Сюйи и ребята сидели в гостиной, а Мо Юйсянь по-прежнему неподвижно сидел под деревом, не сводя глаз с двери в комнату деда.

— Он всё так же? — вполголоса спросил Бай.

— Один раз встал, налил нам воды, и снова ушел туда, — ответила Ян Сюйи.

Баю стало не по себе от этой тихой, затаенной скорби. Пока он отсутствовал, помощник по хозяйству уже вовсю хлопотал на кухне: мертвым забота уже не требовалась, но живых нужно было кормить.

Бай перенес покупки в дом и снова вышел к мужу. Снова присев рядом, он спросил:

— Ты знаешь, где ключи от старой усадьбы?

— Усадьбы? — Юйсянь не сразу понял, о чем речь.

— Усадьбы семьи Мо, — пояснил Бай. — Мне нужно забрать оттуда кое-какие вещи. Поедешь со мной?

Дом Мо давно опустел, и теперь от всей некогда великой семьи остался лишь один человек. Бай знал, как больно возвращаться в пустые стены, и предпочел бы избавить мужа от этого испытания, но он плохо знал усадьбу. К тому же он боялся, что если они не сделают этого сейчас, Юйсянь потом будет жалеть.

Тот всё еще пребывал в каком-то оцепенении. Услышав предложение, он на мгновение задумался и кивнул. Он не был дома целую вечность — жизнь в усадьбе казалась ему воспоминанием из прошлой жизни.

— Ключи, — напомнил Бай.

Юйсянь поднялся, зашел в комнату деда и через минуту вернулся с ключом. Бай взял его и, не раздумывая, сжал ладонь мужа в своей руке.

В гостиной ребята уже освобождали место, чтобы внести гроб. Проходя мимо, Юйсянь на мгновение замер, глядя на тяжелый деревянный ящик с каким-то странным недоумением, словно не понимая, зачем Бай привез его в дом.

— Кто поведет: ты или я? — нарочно спросил Бай, пытаясь отвлечь его.

Юйсянь машинально потянулся за ключами — дорогу к дому Мо он знал лучше кого бы то ни было. Но Бай в последний момент убрал руку:

— Ладно, лучше я. Машина новая, ты к ней еще не привык.

Они выехали со двора. Всю дорогу до старой усадьбы Мо Юйсянь не проронил ни слова, погруженный в свои мысли. Спустя пятнадцать минут они остановились перед воротами. Когда-то величественный дом, лишенный ухода, теперь выглядел жалко и заброшенно.

Бай Чжоуи был здесь всего в четвертый раз. Первый — когда с братьями приходил свататься, второй — в день свадьбы, а в третий он помогал Юйсяню забирать вещи мастера Гэ.

— Ключ? — Бай протянул руку.

Юйсянь вложил ключ в его ладонь, и они вошли. Внутри пахло пылью и запустением — почти вся мебель была давно продана.

— Где жил дедушка? — уточнил Бай. В прошлый раз они были еще малознакомы, и он, не желая смущать Юйсяня, ждал его в гостиной, пока тот сам собирал узлы.

Юйсянь молча повел его за собой. Комната деда встретила их пустотой: кровать, платяной шкаф, стол да стул — вот и всё нехитрое имущество. Бай заметил на углах кровати обрывки

веревки, которые не успели развязать. Раньше Юйсянь был вынужден привязывать старика, когда уходил на работу, чтобы тот не навредил себе в приступе безумия. От частого трения лак на спинках кровати давно стерся.

Юйсянь хотел было войти, но Бай преградил ему путь:

— Найди какой-нибудь ящик, побольше.

По обычаю, в гроб следовало положить личные вещи усопшего, чтобы в ином мире он ни в чем не знал нужды. Юйсянь кивнул и вышел.

Оставшись один, Бай первым делом подошел к кровати. Он быстро отвязал веревки и спрятал их под матрас, чтобы муж их не увидел. Убедившись, что в постели ничего ценного нет, он направился к шкафу. Старые дверцы открылись с душераздирающим скрипом. Вещей было немного: поношенная одежда на все сезоны да два комплекта постельного белья. На нижней полке обнаружился небольшой сундучок.

Бай просмотрел одежду — фасоны были безнадежно устаревшими, видимо, старик донашивал то, что купил еще в молодости. Лишенный возможности работать, мастер Гэ целиком зависел от внука, а тот едва сводил концы с концами, так что о новых вещах не могло быть и речи. Выбрав по два комплекта на каждый сезон, Бай положил их на кровать и открыл сундучок.

Внутри лежала всякая всячина: потрёпанная кукла, которой явно играл ребенок, старые семейные фотографии, женское зеркальце и украшения для волос... Почти всё это не принадлежало деду — скорее, это были вещи бабушки и родителей Юйсяня. Всё, что осталось от некогда могущественного клана.

Бай решил забрать сундучок с собой. Когда он обернулся, то увидел в дверях мужа с картонной коробкой в руках. Тот смотрел на него с немым вопросом, не понимая, зачем Бай роется в вещах деда.

— Заберем это с собой, — пояснил Бай. — Мы здесь редко бываем, вдруг пропадет?

Этот довод показался Юйсяню убедительным, и он кивнул.

— Тебе нужно что-нибудь взять? — спросил Бай, укладывая одежду в коробку. Юйсянь покачал головой — его скудное имущество переехало в дом Бая еще в день свадьбы.

Сложив вещи, Бай подхватил коробку:

— Тогда возвращаемся.

Дома ребята уже закончили приготовления. Гроб стоял посреди гостиной, а на столе перед ним уже были расставлены ритуальные фрукты. Завидев это импровизированное святилище еще из окна машины, Мо Юйсянь замер, не решаясь выйти. Ему было страшно.

002

— Помоги мне занести это, — Бай вложил коробку из дома Мо в руки мужа. — Поставь на стол во внутреннем дворе.

Юйсянь машинально взял её, и в тот же миг на его пальцах вспыхнуло черное пламя. К счастью, оно тут же погасло, оставив на картоне лишь опаленные пятна. Прижимая вещи к груди, Юйсянь прошел через гостиную, ни разу не взглянув в сторону гроба. Он словно надеялся: если не смотреть, то страшная реальность исчезнет сама собой.

Е Сяоцин и остальные обменялись тревожными взглядами. Мо Юйсянь был явно не в себе. После десяти лет лишений, когда надежда только-только забрезжила на горизонте, старик ушел в самый неподходящий момент...

— Сначала поедим, — распорядился Бай.

Обед был готов. Ребята устроились на кухне, а Бай отнес еду себе и мужу во внутренний двор. Юйсянь почти не притронулся к тарелке. Бай не стал настаивать и, быстро перекусив, принялся за дела.

Он зашел в комнату деда с купленной одеждой. Омыв тело покойного, он попытался нарядить его в обновки. Но годы болезни превратили мастера Гэ в иссохшую тень, и новая одежда сидела на нем мешком, лишь подчеркивая болезненность облика. Бай вздохнул и, выбрав из старых вещей самый приличный костюм, передел старика. Новое платье он решил просто положить в гроб — пусть будет с собой. В старом, привычном платье лицо деда казалось не таким изможденным.

Закончив, Бай позвал друзей, и они бережно перенесли тело в гостиную. Юйсянь, сидевший во дворе, при виде этого напрягся, словно боясь, что дед вот-вот исчезнет навсегда. Уложив мастера Гэ в гроб и поправив его одежду, Бай зажег свечи и благовония.

Юйсянь так и не подошел. Он панически боялся гроба, но в то же время не сводил с него глаз, опасаясь, что Бай лишит его последней связи с дедом.

Бай Чжоуи вздохнул и обратился к Е Сяоцину и ребятам:

— Придется еще раз съездить к лесу. Нужно подготовить место.

Словами дорогу было не объяснить, а ошибиться в таком деле было нельзя. Ребята молча

разобрали лопаты. Бай зашел во двор к мужу и предупредил, что ему нужно отлучиться. Юйсянь никак не отреагировал, лишь еще пристальнее уставился в сторону гостиной.

Спустя час Бай и его друзья были у подножия кладбищенского склона. Снова та же тропа, то же дерево... Баю казалось, что он попал в петлю времени — ведь он был здесь всего два дня назад. Рядом с могилами родных Мо было достаточно места, и Бай выбрал участок рядом с бабушкой. Разметив границы, он оставил ребят копать, а сам поспешил обратно. Оставлять Юйсяня одного в таком состоянии было опасно.

Он вернулся домой к четырем часам дня. Муж всё так же сидел во дворе, только теперь его взгляд был прикован не к пустой комнате, а к гробу в гостиной. Ян Сюйи следила, чтобы свечи не гасли. Бай провел немного времени у алтаря, а потом вышел к Юйсяню. Тот молчал. Любые слова сейчас казались лишними, и Бай просто сел рядом.

Е Сяоцин и остальные вернулись в восьмом часу вечера, с головы до ног покрытые землей. Ночью ребята спали по очереди, а Бай и Юйсянь так и остались во дворе — им предстояло последнее бдение.

На рассвете, когда друзья закончили завтракать, Бай подошел к мужу:

— Юйсянь, пора.

Тот посмотрел на него отсутствующим взглядом:

— Куда?

Бай ласково погладил его по волосам:

— Проводить дедушку. К семье.

Юйсянь резко вскочил. В тот же миг землю вокруг него лизнули языки черного пламени. Яростный огонь плясал вокруг него, словно предупреждая: никто не посмеет забрать деда. Бай не отпрянул. Он сделал шаг вперед и крепко прижал к себе дрожащего мужа.

— Он ушел с улыбкой, — негромко сказал Бай. — Он так за тебя переживал, а теперь его сердце спокойно. Наверное, он просто очень соскучился по бабушке и твоим родителям.

Юйсянь вздрогнул, его лицо стало белее мела.

— Они не виделись столько лет... Он так спешил к ним, что даже не успел попрощаться.

Юйсянь взглянул на Бая. В его глазах застыл первобытный страх. Он не хотел этого признавать. Бай отстранился и, глядя ему прямо в глаза, прошептал:

— Я с тобой. Я никуда не уйду.

Юйсянь плотно сжал губы.

— Хочешь, пойти со мной за руку? — Бай протянул ладонь.

Юйсянь долго смотрел на неё, прежде чем решился вложить свою руку в руку Бая. Пламя вокруг медленно угасло, но хватка мужа была такой сильной, что пальцы Бая побелели. Они направились к гостинице.

Юйсянь медлил, каждый шаг давался ему с огромным трудом. Войдя в дом, он бросил мимолетный взгляд на лицо покойного и тут же отвернулся. Бай совершил последний обряд, и с помощью ребят крышку гроба закрыли. Тяжелую ношу вынесли к машине.

Когда гроб закрепили, все заняли свои места. Баю пришлось пересесть к Юйсяню — тот не выпускал его руку ни на мгновение, так что вести машину командир не мог. За руль сел Е Сяоцин. Всю дорогу Юйсянь хранил гробовое молчание, лишь сжимал ладонь Бая так крепко, что та вспотела.

У подножия леса тропа стала слишком узкой. Ребята подхватили гроб. Юйсянь остался в машине. Бай подождал, пока гроб унесут наверх, и лишь спустя долгое время смог уговорить мужа выйти. К месту погребения они шли медленно — Бай подстраивался под каждый неуверенный шаг Юйсяня.

Когда они пришли, гроб уже стоял в яме. Крышку приоткрыли для последнего прощания. Мо Юйсянь замер в нескольких шагах, не решаясь подойти ближе. Уговоры Бая не помогли, и им пришлось смотреть издали. Е Сяоцин взял на себя ритуальные обязанности: он положил в гроб вещи из усадьбы Мо и новую одежду, после чего окончательно закрыл крышку.

Юйсянь смотрел на это с каким-то странным безразличием. Но стоило первой горсти земли удариться о дерево, как черное пламя вспыхнуло вновь. Огонь охватил землю вокруг могилы, а взгляд Юйсяня, устремленный на ребят, стал пугающе агрессивным. В его глазах они из друзей превратились в осквернителей.

Бай попытался успокоить его, но в этот раз слова не помогли — Юйсянь буквально испепелял ребят взглядом. Баю ничего не оставалось, кроме как отправить Е Сяоцина и остальных вниз к машинам. Он остался один на вершине холма вместе с мужем.

Сначала они час стояли неподвижно, потом Бай нашел место поудобнее, и они просидели еще столько же, пока ему наконец не удалось лаской и уговорами подвести Юйсяня к могиле.

Ребята несколько раз поднимались проверить их, но держались поодаль. Лишь спустя три часа Юйсянь согласился спуститься к машине. Воспользовавшись моментом, ребята быстро закончили работу и привели могилу в порядок.

На обратном пути Бай сам сел за руль, оставив друзей в другой машине. Состояние Юйсяня было непредсказуемым, пламя могло вспыхнуть в любой миг, и это было слишком опасно. Муж сидел, опустив голову, и не отвечал ни на одно слово.

Дома ребята помогли убрать в гостиной и деликатно удалились. В маленьком дворике воцарилась тишина. Без мастера Гэ дом казался пустым как никогда. Юйсянь снова уселся на свою скамью под деревом, но теперь он не смотрел ни на комнату деда, ни на гостиную. Он просто неподвижно разглядывал свои ладони. Бай не мешал ему, просто сидел рядом.

Так они просидели до темноты. Бай приготовил ужин, но Юйсянь едва притронулся к еде. Когда пришло время ложиться, Бай увел его в спальню. Предыдущую ночь они провели без сна, но, даже оказавшись в постели, Юйсянь не мог сомкнуть глаз. Бай остался с ним.

Лишь к двум часам ночи изнеможение взяло свое, и Юйсянь забылся тяжелым сном. Убедившись, что муж спит, Бай тоже позволил себе закрыть глаза. Но сон его был чутким. Вскоре он почувствовал, что постель рядом опустела.

— Юйсянь? — Бай с трудом выплыл из дремы.

В комнате царил непроглядная тьма, ответа не последовало. Опасаясь, что муж в отчаянии совершит какую-нибудь глупость, Бай быстро оделся и выбежал на улицу.

Залитый лунным светом двор казался призрачным. Дверь в комнату мастера Гэ была распахнута. Мо Юйсянь, как и прежде, сидел на краю кровати. Только теперь в его руках была не ладонь деда, а обрывок веревки. Той самой, которой он когда-то связывал старика в моменты буйства. Веревки всегда были наготове, спрятанные в ящике, и теперь Юйсянь нашел их.

Бай подошел ближе.

— Почему ты встал... — начал он, но слова застряли в горле. При свете луны он увидел, что по щекам мужа одна за другой катятся слезы.

Мо Юйсянь плакал.

Напряжение последних двух дней в душе Бая наконец спало. Он присел на край постели и осторожно притянул мужа к себе, укрывая его в своих объятиях. Пускай плачет. Так лучше.

Все эти годы мастер Гэ жил ради Юйсяня, но ведь и для Юйсяня дед был единственным

смыслом жизни. Череда кровавых потерь, утрата духовного зверя, косые взгляды и шепот за спиной, изнурительная работа и нищета... Такую ношу не каждый взрослый бы выдержал, но Мо Юйсянь нес её на своих худых плечах. У него была цель, была последняя связь с миром — любящий дедушка. Ради него он был готов терпеть любую боль и любой труд. Пока дед был жив.

А теперь выходило так, что стоило Юйсяню вернуть силу, как старик потерял волю к жизни. Для Юйсяня это выглядело так, будто его долгожданное исцеление убило единственного близкого человека. Эта мысль парализовала его на два долгих дня. До этой самой секунды.

Прижавшись к груди Бая, вдыхая его знакомый запах, Юйсянь задрожал всем телом. Его пальцы судорожно вцепились в одежду мужа.

— Это я виноват... — попытался он выговорить сквозь рыдания, но голос сорвался на хриплый стон.

— Ты правда думаешь, что он считал бы так же? — тихо спросил Бай.

Юйсянь лишь захлебывался слезами, не в силах больше сдерживать горе. Бай молча баюкал его, позволяя выплакать всё до последней капли. Он знал: муж всё понимает, просто понимать и принять — это разные вещи. Плотину прорвало, и сдерживать эмоции было уже невозможно.

Он плакал долго — до самых первых лучей солнца, пока слезы не иссякли, и он не заснул в объятиях Бая от полного изнеможения. Почувствовав, что рыдания сменились редкими всхлипами, Бай еще немного посидел неподвижно, а затем бережно уложил его на кровать, укрыв тем самым одеялом, под которым спал мастер Гэ.

Смерть духовного зверя — это утрата половины души. Юйсянь прошел лишь через безумие зверя, но каждый приступ головной боли заставлял его терять сознание от муки. Трудно было представить, какую боль испытывал мастер Гэ все эти годы. Для старика уход стал избавлением.

Когда совсем рассвело, Бай не стал возвращаться в постель. Он сел рядом, охраняя сон мужа. Юйсянь свернулся клубочком, его брови были мучительно нахмурены даже во сне. Он снова стал тем семилетним мальчиком, который в одночасье потерял всё, только теперь рядом не было того, кто помог бы ему выстоять.

Глядя на его заплаканное лицо, Бай почувствовал невыносимую нежность и легкую грусть. В начале их брака Юйсянь говорил, что хочет прожить с ним жизнь. Бай верил ему, но знал, что эти слова были сказаны человеком, потерявшим всякую надежду. А что теперь? Дед был его опорой, но в то же время и тяжкими оковами. Теперь, когда старика нет, какой путь выберет Мо Юйсянь?

Мо Юйсянь проснулся лишь на следующее утро. В комнате было тихо, Бая нигде не было видно. Он не стал сразу вставать, а просто лежал, глядя в потолок. После ночной истерики в голове наконец прояснилось, но вместе с тем пришло и чувство жгучего стыда. Весь похоронный обряд лег на плечи Бая, хотя это была обязанность Юйсяня. А он мало того что ничем не помог, так еще и заставил мужа нянчиться с собой, как с ребенком...

Юйсянь свернулся калачиком, пряча лицо. Прошлой ночью он снова рыдал на груди у Бая — и это было далеко не первый раз. Он чувствовал себя совершенно никчемным: мало того что ничего не умеет, так еще и ведет себя как плакса...

«Наверное, он уже меня ненавидит. Наверное, он уже сто раз пожалел, что женился на мне и обещал быть рядом...»

От этой мысли сердце Юйсяня пропустила удар. Он вскочил и выбежал во двор. Там было пусто. Он направился к комнате деда и осторожно приоткрыл дверь, надеясь, что Бай еще спит там. Но комната была пуста. В гостиной и переднем дворе тоже никого не оказалось. Юйсяня охватила паника: неужели Бай ушел в Гильдию? Но ведь еще так рано...

Пока он метался по дому, входная дверь открылась, и на пороге появился Бай с пакетами. Увидев на крыльце взлохмаченного Юйсяня с опухшими от слез глазами, Бай на мгновение замер, а затем не сдержал доброй улыбки:

— Ну и вид у тебя, горемыка. Иди умойся, завтрак стынет.

Редко когда Юйсянь выглядел таким растрепанным, и это делало его непохожим на прежнего себя. Раньше за его молчаливой отчужденностью всегда чувствовалась тяжелая ноша, которую он нес. Теперь же, с «вороньим гнездом» на голове, он больше походил на обычного мальчишку, не знающего забот.

Юйсянь коснулся своего лица и быстро скрылся в глубине дома. Увидев в зеркале красные глаза и всклокоченные волосы, он густо покраснел. Перед Баем он вечно представлял в самом жалком виде.

Он умылся, а затем, подумав, решил вымыться целиком. Выбирая одежду после душа, Юйсянь заколебался. Ему хотелось выглядеть опрятно, чтобы хоть как-то радовать глаз мужа, но вещей у него было мало, и почти все они были старыми. Вспомнив неизменно мягкое, благородное лицо Бая, Юйсянь почувствовал неловкость. Раньше он в этих обносках ходил с ним к Хуану Цихэну... Что о нем подумали те люди? И как они теперь судачат за спиной Бая?

Раньше он не позволял Баю тратить на себя деньги, считая, что и так слишком многим ему обязан. Но теперь он понял: эта его гордость была лишь формой эгоизма. Осознание этого заставило его покраснеть еще сильнее.

Когда он наконец вышел в гостиную, Бай еще не притрагивался к еде, дожидаясь его.

— Что ты так долго? — спросил он.

— Решил помыться.

Бай кивнул и принялся за завтрак:

— Мне нужно будет заскочить в Гильдию, но я постараюсь вернуться побыстрее. Е Сяоцин прислал сообщение: заместитель главы гильдии вызывает, видимо, что-то по поводу охотничьего сезона.

В это время года в городе как грибы после дождя росли игорные дома. Гильдия тоже открывала свои тотализаторы, но ставки там были низкими, и народ предпочитал подпольные заведения. Чтобы не терять прибыль, Гильдия обычно отправляла стражу на зачистку нелегальных контор — для Бая это было привычным делом.

— Угу, — кивнул Юйсянь и направился было во внутренний двор, чтобы позвать деда к столу. Но, сделав два шага, он замер как вкопанный. Память вернулась мгновенно. Он думал, что выплакал всё вчера, но глаза снова предательски защипало.

— Через пару дней мы снова съездим к нему, — донесся сзади спокойный голос Бая.

Слезы, которые Юйсянь так отчаянно пытался сдержать, хлынули ручьем. Бай всегда знал, что сказать.

— Хорошо... — Юйсянь судорожно вздохнул.

— Если не хочешь оставаться дома один, приходи ко мне в Гильдию, — добавил Бай.

— Угу...

Юйсянь сел за стол и попытался поесть, но слезы мешали глотать. Как он там, в лесу? Там ведь так холодно... Наверное, ему страшно и хочется домой. Кладбище так далеко, ехать больше часа, а здоровье у него всегда было слабым...

Бай закончил завтракать и поднялся. Проходя мимо мужа, он ласково погладил его по голове. Некоторые раны лечит только время.

Послушав, как затихают шаги Бая и хлопает входная дверь, Юйсянь еще долго сидел за столом, не в силах остановиться. Вытерев наконец слезы, он оглядел пустую гостиную. На душе было так же пусто. Ему хотелось побежать за Баем — тот ведь сам сказал, что можно прийти. Но ведь муж только что ушел...

Он и так плакса и обуза, а если еще и станет навязчивым — Бай точно в нем разочаруется.

Закончив с завтраком, Юйсянь вынес стул во внутренний двор и призвал своего духовного зверя. Теперь у него была только одна цель — стать сильнее как можно скорее. По крайней мере, когда дело дойдет до мести семье Сунь, Бай не должен будет отвлекаться на его защиту.

Малыш материализовался рядом. В этот раз он не стал любопытно озираясь, а послушно сел у ног хозяина. Юйсянь взглянул на него и замер. Зверь заметно изменился. Он вытянулся, его голова теперь была выше колена Юйсяня. И хотя он всё еще оставался округлым, в его облике появилась былая стать. Длинный хвост, на кончике которого теперь постоянно плясало пламя, больше не вилял из стороны в сторону — он чинно лежал на земле. Взгляд зверя стал глубоким и серьезным. Он словно повзрослел за одну ночь.

У Юйсяня снова перехватило горло. Облик духовного зверя всегда отражал душевное состояние хозяина. Он глубоко вздохнул, подавляя эмоции. У него больше не было дедушки, но он обязан защитить Бая.

Юйсянь вперил взгляд в глаза зверя, пытаясь подчинить его своей воле. Почувствовав настрой хозяина, Цилинь взмахнул хвостом, и в то же мгновение их окружило кольцо черного пламени высотой в полметра.

Юйсянь вздрогнул от неожиданности. Раньше он почти не мог контролировать этот огонь — отчасти из-за юного возраста, отчасти из-за того, что само пламя было слишком строптивым. Сейчас он всё еще чувствовал, как огонь рвется на волю, стремясь испепелить всё живое, но удерживать его стало гораздо проще.

Он сосредоточился, пытаясь расширить круг. Общаться со зверем мысленно он не мог, но огонь подчинялся его воле. Стена пламени начала медленно раздвигаться, но чем больше становился радиус, тем сильнее было сопротивление. Когда круг достиг метра в диаметре, пламя внезапно вырвалось из-под контроля, взметнувшись выше человеческого роста. Оно стремительно распространялось, пожирая всё на своем пути.

Юйсянь мгновенно попытался отозвать зверя, но огонь успел лизнуть стул, стоявший позади. Две ножки превратились в пепел за доли секунды. Когда пламя исчезло, Юйсянь с ужасом посмотрел на остатки мебели. Бай ведь просил его пока не тренироваться...

Сгорая от стыда, он быстро спрятал изувеченный стул в одну из пустующих комнат. Подумав, что это недостаточно надежно, он запихнул его в шкаф. Когда он снова вышел во двор, Малыш сидел на прежнем месте, озадаченно склонив голову набок. Несмотря на внешние перемены, по сути он оставался всё тем же существом, рожденным всего два года назад, и многое в поведении людей было ему непонятно.

Встретившись со зверем взглядом, Юйсянь прижал палец к губам:

— ...Только не говори ему.

Он и так был плаксой и обузой, а теперь еще и начал крушить дом. Если Бай решит развестись с ним, он не удивится. Но сам Юйсянь больше не хотел этого развода.

<http://bllate.org/book/16108/1587884>